

ТАНЯ ПИСАРЧУК

Ханойские сказки

Таня Писарчук

Ханойские сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61662558

ISBN 978-5-0051-5182-7

Аннотация

«Ханойские сказки» – это рассказы о простых людях, которые живут свою жизнь как привыкли и как умеют, хотя, может быть, кому-то это и покажется странным или смешным. Рекомендуется всем путешественникам, авантюристам, людям с чувством юмора и просто любопытным.

Содержание

Ханойские Сказки	5
Глава 1. Мироустройство	7
Культура кокоса и персика	7
Ремонтные страсти в сланцах под Новый год	11
Да, насекомые и правда бывают такого размера!	19
Вовремя или во времени	26
Неписанные правила вьетнамских дорог	30
Здоровье – самое дорогое, в прямом смысле	36
Образование во Вьетнаме	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ханойские сказки

Таня Писарчук

© Таня Писарчук, 2020

ISBN 978-5-0051-5182-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ханойские Сказки

Посвящается:

Bui Kim Oanh

Nguyen Cong Thanh Tung

Phan Thanh Trung

Do Thanh Van Huong

и всем моим друзьям

- Мадам, такси!
- Сколько стоит?
- 500!
- Много, давай 250.
- Ладно, 300, поехали!

Вьетнам мне понравился сразу и очень нравится по сей день. Помню это ощущение: раздвигаются двери аэропорта, и тебя окутывает жаркий влажный воздух, будто ты погружаешься в теплую воду. Непривычно шумно, такое чувство, что все вокруг соревнуются, чтобы крикнуть погромче. Первое время у меня с лица не сходила улыбка в ответ на предложение подвезти, устроить, что-то продать, доставить от улыбочивых и готовых помочь мне людей. Я с радостью принимала помощь.

Где-то через неделю я поняла, что меня обманывают на каждом шагу. Впоследствии я узнала, что этому явлению даже есть название «налог на иностранца». «Налог на иностранца» не имеет размера, это может быть +5000 донгов к бутылке воды, а может быть и +500 000 донгов к паре обуви. Вьетнамцы не считают обман чем-то зазорным: наоборот, они очень радуются удачной сделке и гордятся своей предприимчивостью. Также я узнала, что они называют нас «ня нго» (вьет. Nga Ngõ), что можно перевести как «русские дурачки», наивные и негибкие.

Глава 1. Мироустройство

Культура кокоса и персика

За все годы во Вьетнаме я видела всякое отношение к Вьетнаму и вьетнамцам. Я видела радость и полное принятие – «они такие замечательные, такие классные и улыбочивые!», я видела злость и ярость – «сколько можно обманывать, почему нельзя просто продать мне фрукты, не задирая цену в несколько раз?», я видела удивление – «как можно перевезти на мотобайке шкаф, три ведра с краской и старую бабушку одновременно?», я видела восхищение – «ничего себе они ловкие, так быстро залезть на пальму сможет не каждый», я видела агрессию – «это поведение просто тупое, я не могу с этим смириться».

С момента переезда я прошла разные стадии цикла экспата, включая глубокое разочарование и эмоциональное выгорание. Я плакала и хотела вернуться домой. И в этот момент мне случайно попала на глаза статья про разницу культур на примере кокоса и персика. Описание культур основывается на схожести с этими фруктами.

Американская и европейские культуры похожи на персик. Посмотрите на этот фрукт: он мягкий и сочный, а это значит, что укусить его мякоть может каждый, и это не стоит труда.

Вы с легкостью можете инициировать общение с любым человеком: «Оу, привет, как дела, тоже умираешь от жажды?» Эту фразу можно сказать любому человеку в очереди в кассе любого магазина, и вот вы уже обсуждаете погоду и ваше семейное положение. Я много раз замирала, когда мне на вечеринке незнакомые люди бросали вопросы вроде: «А ты замужем?» или «А как ты зарабатываешь на жизнь?». Датчане, шведы, да и, в принципе, любые скандинавы с легкостью могут задать довольно интимный вопрос человеку, которого видят в первый раз в жизни. И это создает иллюзию сближения. Такое чувство, что, поедая вместе этот теплый сочный персик, мы с этим незнакомым человеком становимся лучшими друзьями. Но это не так, потому что под сочной мякотью у персика твердая косточка, которую практически невозможно расколоть. Эти прекрасные люди, с которыми ты только что болтала об интимных вещах, никогда не позовут тебя в гости или в близкий круг своих друзей.

Наша культура и практически любая азиатская культура, включая вьетнамскую, – это культура кокоса. Кокос – очень твердый фрукт, и чтобы разбить оболочку, вьетнамцы используют острое мачете или даже дрель. В сравнении с культурой это значит, что люди «кокоса» не станут улыбаться тебе при встрече (узнали наших людей?), мы (а я тоже отношусь к этой культуре, так как выросла в ней) не пускаем чужих в наше пространство, разговор или даже мысли. Но если после долгих стараний кому-то удастся пробить кокос, этот

человек становится нашим, родным, ближе некуда. Во Вьетнаме это очень чувствуется во всех сферах жизни, там доверяют только своим. Даже если вы решите поесть супа фо в уличной кафешке, то знайте, что зайти в первую попавшуюся – плохая идея. Вьетнамцы ходят только в те места, которые им рекомендовали знакомые. Если тебя не порекомендовали, ты – никто, и, учитывая то, что ты иностранец и тебя выдает лицо, то, скорее всего, тебе будет нечего ловить с этими людьми.

Мне понадобилось больше двух лет, чтобы понять этот принцип «открытия кокоса» и начать действовать по обстоятельствам. Обстоятельства могут быть разные, например, однажды у меня сломалось колесико на чемодане, и я повезла его в ремонт на улицу Ха Чунг. На этой улице живут ремесленники, которые шьют и чинят все виды сумок и чемоданов. Мне сразу повезло, в первой же попавшейся мастерской (ошибка, что не спросила рекомендации у знакомых, там могли обмануть и сделать плохо) мне попался русскоговорящий вьетнамец лет пятидесяти. Он обрадовался мне как родной и стал болтать со мной на русском о моей жизни, рассказал, что сам жил в России и даже был женат на русской, в России сейчас живет его сын Кирилл. Этот вьетнамец нашел во мне родственную душу, и пробитый кокос привел нас к тому, что мой чемодан был починен со скоростью света, да еще и очень дешево. «Даю тебе цену меньше, чем вьетнамцам», – сказал мой новый знакомый и еще долго кричал мне

«до свидания» и махал вслед.

Есть и обратные ситуации, когда кокос пробить не удается. Например, в официальных сферах, таких как иммиграционная служба или полиция, это сделать не получится, потому что люди, которые работают в этих службах, чаще всего просто выполняют приказы. Для них мы, иностранцы, всегда будем другие, чужие, нам будут улыбаться, но не более. Для нас любая бюрократическая процедура будет сложной, даже невыполнимой. Даже знание языка не спасет там, где выдаст внешность. И вьетнамцы это прекрасно знают, поэтому к услугам иностранцев всегда есть «проводники» – люди, которые пойдут и договорятся за тебя, получают справку или лицензию. Мне кажется, у «проводников» даже существуют негласные соглашения с государственными службами, поэтому даже при довольно простой процедуре иностранцу никто не поможет, а сразу отправят к «агенту».

Сейчас я пробила кокос уже практически во всех сферах своей вьетнамской жизни: в магазине у дома мне всегда продадут молоко в долг, в булочной спросят, как поживают мои дети, охранник на парковке помашет рукой, а парень, который ремонтирует мотоциклы, не возьмет денег за подкачку колес. Наблюдая за туристами, которые приезжают посмотреть Ханой, я часто думаю о том, как много они теряют из-за невозможности погрузиться в мягкое кокосовое молоко и как много шишек они набивают о культурный кокос в своем путешествии.

Ремонтные страсти в сланцах под Новый год

Ханой похож на лоскутное одеяло моей бабушки. Такое одеяло может сделать бабушка, которая никогда ничего не выбрасывает. Лоскуты, которые она использует, неоднородные, она берет ткани разной текстуры и складывает их вместе, следуя своей логике и своему особому чувству прекрасного, которое у нее есть и будет всегда.

Так и в Ханое – попробуйте проехаться вдоль Ау Ко, Ни Там, Ен Фу, и ваш глаз будет цепляться то тут, то там за крыши, выложенные шифером или просто накрытые брезентом, за окна разных форм и размеров, выкрашенные во все цвета радуги, за толстые и тонкие здания, прилепленные, приклеенные друг другу, как будто только так можно удержаться на земле, подперев друг друга. Вы увидите, как в окнах выкладывают товар, ведь 1 этаж всегда будет отведен под бизнес, какой бы бизнес это ни был.

Ханой строится все время, этот непрерывный цикл строительства всегда поражал меня. Не успеешь оглянуться, а улица, которая так привлекала тебя своей архитектурой и деревьями, уже выглядит как развалины после бомбежки, а вокруг строятся отель, ресторан, апартаменты и вилла.

Я и сама была частью великого вьетнамского строительства. Это было в 2013 году, когда я только переехала во Вьет-

нам. Моей мечтой было открыть кафе, а точнее антикафе – это такое заведение, где люди могут общаться, играть в игры, работать и при этом платить только за время. В то время был бум на антикафе в России и Беларуси, поэтому я со всей силой верила в эту идею и в то, что она отлично приживется на чужой земле.

Строительство началось в конце года, когда я уже нашла подходящий дом и мы подписали контракт. Я на радостях пригласила своего друга-дизайнера из Минска, он на скорую руку набросал план реконструкции, и мы рвали, метали и били копытом, чтобы начать.

Мой друг-дизайнер Николай – человек старой закалки, при планировании ремонта он учел все факторы: высоту розеток от пола (чтобы людям было удобно подключать свои ноутбуки), выравнивание стен под покраску, подвесную конструкцию на потолок, чтобы сделать общий свет, уровень рабочей поверхности в кухне. Он сделал раскладку по плитке в санузлах, а также спроектировал барную стойку и террасу. Но был один момент, который ни Николай, ни я не смогли спрогнозировать, – влияние обстоятельств и культурной среды на наши планы.

Все началось с того, что мы не смогли найти бригаду, которая сделает нам работу, и поэтому нам пришлось связаться с посредником, который обещал пригнать рабочих на каждый вид работ, сделав упор на качество. Мы, как дураки, сразу ему поверили. Также проблемой стало то, что посредник

не мог нам помочь в поисках некоторых мелочей, нужных при ремонте, поэтому мне пришлось нанять Май Эн.

Функция Май Эн была в том, чтобы искать мне вещи. Да, так просто. Я ей говорила: «Май Эн, найди мне шуруповерт и грунтовку», и она искала в интернете по-вьетнамски, выдавая мне спецификацию, цену и адрес. Я выбирала из нескольких вариантов, и Май Эн заказывала нужный вариант.

Итак, вернемся к ремонту. Сначала пришли плиточники, посмотрели и ушли. Потом пришел сантехник, посмотрел и ушел. Потом пришел электрик и плотник в одном лице, посмотрел и ушел, потом пришел мужик, который работает только с жестью, посмотрел и ушел, потом пришли мастера-штукатуры, они же маляры, посмотрели и ушли. Мы с Николаем и Май Эн встречали и недоуменно провожали рабочих несколько раз в день, посредник при этом был немногословен, все, что удалось выжать из него, – это «надо подумать», «они сказали, что позвонят» и прочее. Потом, когда я уже пожила во Вьетнаме подольше и мне стали более понятны некоторые поступки вьетнамцев, я поняла, что «приходить и смотреть» – это национальный вьетнамский спорт. Как в том анекдоте: «Вы что, доктор? Я – нет, но посмотреть могу».

Так как вьетнамцы ориентируются не на результат, а на процесс, половина пришедших так и не дала о себе знать, и мы уже практически отчаялись, когда нам позвонил

посредник и радостно проорал в трубку: «Завтра ПРИДЕМ класть плитку». Мы с Николаем торжественно переглянулись и открыли по бутылочке пива, чтобы это отпраздновать: лед тронулся.

Но назавтра никто не пришел.

Мы не понимали, что происходит. Однако, оказалось, произошла ошибка, недопонимание и недоразумение, и рабочие придут завтра. Теперь, спустя годы, я четко понимаю, что происходит, когда к тебе не приходят. Это значит, что никакого договора не было, а если и был, то тебя совсем не уважают, тебе не позвонят и не объяснят, что происходит, ты для них никто. На самом деле это был первый тревожный звоночек про нашего посредника, но мы тогда ничего не поняли. Поэтому мы продолжали звонить ему, спрашивали, требовали (ведь договор аренды уже был подписан и деньги капали) и в итоге нажали на него так, что он быстро подсуетился и назавтра, ровно в 7 утра, посредник, я и Николай торжественно открывали ворота нашего будущего антикафе, чтобы впустить трех щуплых, чумазных и на вид довольно хилых строителей и сияющего, как яркое солнышко, посредника.

Николай подозрительно осмотрел эту компанию.

– Не нравятся они мне. Где их инструмент?

И правда, рабочие пришли с голыми руками. Чем они будут строить?

Однако, как в сказке или по взмаху волшебной палочки,

все как-то быстро образовалось после того, как мы обсудили (еще раз) фронт работ и, главное, оплату. Как только все стало предельно понятно, работа закипела, откуда ни возьмись появился перфоратор и уже через 15 минут вниз полетела первая вырванная с корнем ванная. Работа кипела – не нарадуешься – ровно до 12. В 12 стало тихо, рабочие спустились на обед. Поев, они легли в ряд и заснули. Через час я стала немного волноваться за них и за работу.

– Что с ними? – спрашивала я посредника.

– Они устали и спят, скоро они встанут и продолжат работу, – отвечал он.

Так я узнала, что делу время, а сон по расписанию.

Работа и правда продолжилась ровно в 2 часа после полудня. Рабочие проснулись, как по команде, встали и пошли работать. Работали они реально быстро, но недолго. В 5 часов вечера они так же, как по команде, засобирались домой, покидав все как было: куски ванной, умывальника и инструменты так и остались валяться на земле.

Тот первый день строительства оставил у меня много вопросов. Во-первых, насколько это нормально, когда люди приходят работать с перфоратором в сланцах? Во-вторых, как им удается все делать так быстро, в-третьих, можно ли еще ускориться за счет сокращения сна днем?

Ответы на эти вопросы я получила очень и очень скоро.

Работа на объекте кипела ровно месяц, я уже привыкла к темпу, а Николай уехал домой в Минск. За это время бы-

ли сделаны все санузлы и кухня, а также часть электрики и навесное крепление для света на потолок. Мы все, включая Май Эн, работали, не покладая рук, я разузнала, где в Ханое можно купить лампы, бамбук, разные виды инструментов, наждачку и т. п.

Я повидала много разных рабочих: некоторые приходили «посмотреть», а потом не появлялись, некоторые были реально профессионалы своего дела и делали все очень быстро, некоторые были безрукие, и хотелось дам им подзатыльник и выгнать скорее вон, некоторые из них, наверное, до этого работали в цирке – то есть приходили в сланцах и залазили на конструкцию из двух стульев, чтобы разобраться с проводами в стене. Некоторые ничего не делали и смотрели на других, некоторые болтали, не затыкаясь, некоторые просто молча делали свое дело. Некоторые пропадали посреди работы, заставляя меня нанимать других людей доделывать за ними, а потом появлялись через неделю и просили деньги в полном объеме. Некоторые с радостным лицом выдавали такой брак, что я пускала слезу. Некоторые из них хотели со мной познакомиться и выпить пива, некоторые стеснялись, некоторые даже говорили по-английски – один парень говорил весьма неплохо, оказалось, что он учится в университете, а на стройках подрабатывает, помогая своему дяде.

Все это было замечательно, пока вдруг не закончилось. В один день никто из рабочих не пришел. Работа была сделана примерно на 70 процентов, и я уже размечталась, что,

поднажав, мы сможем закончить через две-три недели и открыться к марту. И вот – ничего. Я позвонила посреднику, чтобы узнать, что случилось.

«Тет», – коротко ответил он. Чего? Что такое Тет? Как это влияет на стройку нашего объекта? И почему никто не пришел? «Пожалуйста, – попросила я посредника, – ты не мог бы их организовать, чтобы они пришли и все доделали, там осталось совсем немного».

Но никто не пришел ни в тот день, ни в любой из дней четыре недели спустя. Оказалось, что этому есть две причины. Первая – в Тет (вьет. Tết), самый главный вьетнамский праздник, Лунный новый год, все вьетнамцы уезжают к своим семьям в провинции, чтобы отпраздновать этот праздник в кругу семьи, а вторая причина в том, что мало кто из вьетнамских рабочих в принципе доделывает что-то до конца. Даже мой посредник, который был максимально политкорректным и старался сглаживать углы, тут был непреклонен в своих прогнозах: «Нет, они не придут, все закончим после Тета».

Так я поняла, что на стройках Вьетнама самый ненужный и глупый вопрос – это «почему». Если вы делаете эту ошибку и реально спрашиваете вьетнамца «почему», то готовьтесь услышать целую историю, начиная с того момента, к которому вы даже вряд ли были готовы. Там будет и философия, и математика, и сопротивление материалов, и требования духов по лунному календарю. Лучше избегать вопроса

«почему», этот вопрос для вьетнамца все же риторический и таким же должен и остаться.

Надо отметить, что рабочие приходят на работу в сланцах и без инструментов, крепят подвесную конструкцию на проволоку, оставляют торчащие из стены провода, при всем этом им как-то удается строить бешеными темпами. Сейчас во Вьетнаме бум строительства, вот уже больше года улица, на которой я живу, похожа на руины после бомбежки. Вдоль нее строятся дома, которые через пару месяцев будут закончены и изменят вид нашего района. Надеюсь, они успеют закончить до Тета.

Да, насекомые и правда бывают такого размера!

– Это что, змея?

– Не бойся, у нее рот занят.

Первое, с чем стоит смириться, – то, что муравьи никуда не уйдут. Люди годами ищут способы избавиться от них: трут уксусом и выжимают сок лайма, пшикают химией и рисуют дорожки специальным карандашом. Неверно. Муравьи никуда не денутся, никуда не уйдут, они будут жить вечно и есть вашу еду. Аминь.

Второе – поприветствуйте крысу на проводах. Крысы везде: на улице, во дворе, в саду и в вашей кухне. Если, конечно, вы не живете на 17-м этаже, тогда только муравьи. Крысы такого размера, что пугают соседского той-терьера. Если вы боитесь крыс или мышей, вам не место во Вьетнаме.

Третье – крупные насекомые. Да, насекомые бывают таких размеров. Не пугайтесь, если к вам в окно залетит таракан (ага, они еще и летают). Летящие тараканы поначалу пугали меня, а потом стали добрыми друзьями и соседями. Такие тараканы, в отличие от их классических собратьев, живут под землей в сточных водах, трубах, они периодически вылазят из-под вентиляционных решеток или сливов и важно прохаживаются по вашему дому или двору. Инте-

ресный факт: эти тараканы такие неповоротливые, что, упав на спину, лежат часами, потому что не могут перевернуться назад. Избавиться от них практически нереально – их живучесть такова, что они способны несколько дней жить без головы.

Однажды, возвращаясь домой, мы увидели крысу, выпрыгивающую из дворика нашего дома. Крыса выглядела просто ужасно, у нее был лишний вес и огромный зуб, перевешивающий все ее тело на правый бок. Крыса неуклюже пролезла в дырку ворот и отправилась на все четыре стороны.

– Надеюсь, она не съела нашу кошку, – с присущим всем подросткам сарказмом заметила моя дочь.

Когда мы только переехали во Вьетнам в 2013 году, дети были совсем маленькие. Чтобы как-то сгладить климатическую и культурную адаптацию, а также стресс от переезда, я предложила завести «Книгу нового». В эту книгу мы заносили самые удивительные, потрясающие и уникальные вещи, которые поразили нас в новой стране. Более половины записей были о живых существах – летающие тараканы, гекконы, бабочки размером с голову младенца, змеи, ящерицы, комары, которые летают бесшумно, муравьи, упрямо не желающие покидать кухню, соседские петухи, замолкающие только перед лунными праздниками (об этом подробнее позже), крысы, устраивающие вечеринки на проводах, случайно попадающиеся среди крыс белки, собаки размером с котенка, летучие мыши, пикирующие прямо в корпус (упс, больно!)

во время прогулок вокруг Западного озера на закате...

Через год в «Книге нового» появилась змея. Мы познакомились с ней на севере, в горной деревне. В тот день мы совершали лесную прогулку через деревню. Вся деревня представляла собой череду домов вдоль узкой тропы, ведущей вниз и вверх, вверх и вниз, как будто это аттракцион, этикетные вьетнамские горки. Вдоль домов стояли лотки с однотипными сувенирами, но они были нам совершенно неинтересны, несмотря на зазывание продавцов и заглядывание нам в глаза в ожидании покупки. Мы не смотрели на лотки, а смотрели в дворы домов, ведь там было самое интересное. Во дворах бегали собаки, зажмурившись, лежали кошки, задумчиво стояли лицом в забор козы, и вся эта живность была очень привлекательна для моих детей. Одна козочка была такая милая, что дети забежали во двор и стали тянуть к ней руки. В этот момент, как в замедленной съемке, я увидела ползущую в 10 сантиметрах от ноги моей дочери змею. Мое сердце замерло, доли секунды я балансировала между «кричать», «рвануть спасать детей» и «упасть в обморок», пока глаз не заметил нечто странное в этой змее. А конкретно – она была непропорционально сложена в области головы. Присмотревшись, я поняла, что из пасти змеи торчала огромная жаба, и змея, в принципе, была занята, так как тащила добычу. Выдохнув, я позвала детей, мы запомнили эту змею, чтобы вписать ее в «Книгу нового».

Одними из первых в нашей «книге нового» появились

и гекконы, эти небольшие ящерицы живут в каждом вьетнамском доме, гоняя по стенам как в «Формуле-1». Гекконы абсолютно безопасны, даже полезны, так как охотятся на мелких насекомых, муравьев и комаров.

Из неприятного соседства – термиты. Эти насекомые очень прожорливы: если случайно в дом попал кусок дерева с термитом, жди беды. В моем доме термиты за два года съели оконные рамы, а когда доели, выпали оттуда и умерли. Термиты едят практически любое дерево, кроме твердых сортов вроде акации, выедая изнутри так, что снаружи вещь кажется нетронутой. Поедая дерево, термиты издают стрекочущий звук, напоминающий шум дождя. Что самое забавное – их можно легко напугать резким звуком, например стуком двери или шагами. Если после этого замереть, то термиты, прислушавшись, потихоньку начинают стрекотать снова. Из-за термитов деревянную мебель обрабатывают толстым слоем лака или специальным токсичным веществом с резким запахом, поэтому здесь, во Вьетнаме, практически не встретить привычных нам светлых деревянных шкафов и другой мебели из мягких пород древесины вроде сосны. Хотя вьетнамцы мстят термитам по-своему: в провинции Тхань Хоа (вьет. Thanh Hóa) термитов, а точнее королев этих насекомых, употребляют в пищу с пивом. Я сама не пробовала, но знающие люди говорят, что на вкус как семечки.

Мне очень нравится животный мир Вьетнама, потому что

он необычен для меня и во многом аутентичен, например, сложно поверить, но мои соседи держат козу в качестве домашнего животного. Коза очень ласковая, и днем она пасется без всякой привязи в парке на зеленой травке, с ней играют дети и фотографируются иностранцы. Я очень надеюсь и верю, что коза проживет не до первого Тета (вьетнамский Новый год), а долгую жизнь. Куры, гуси, свободно разгуливающие по дорогам города, – это вообще считается нормальным. Никто и не удивится, увидев на одной дороге автомобиль, велосипед и петуха.

Климат во Вьетнаме, особенно на севере, тяжелый для приезжих. Летом – удушающая жара вперемешку с тропическими ливнями, а зимой – пронизывающий до костей холод, когда плесневеет все, что только может заплесневеть. Для адаптации физически мне потребовалось больше года, психологически – и того больше.

Первое наше лето мы просто пребывали в шоке, не вылезая из бассейна и не выходя на улицу без особой надобности. Днем в городе около 40° С жары, при этом асфальт в некоторых открытых местах нагревается до такого состояния, что шутники снимают видео, в которых жарят яичницу прямо на дороге под палящим солнцем. Вьетнамцы не любят солнце, так как здесь ценится белая кожа. Женщины в это время года закутываются в одежду с ног до головы, даже если нужно пройти несколько метров в магазин. Кстати, для поездки на мотоцикле женщины покупают специальные курт-

ки с длинными рукавами, закрывающими запястья, и с капюшоном, специальную юбку, которая наматывается поверх одежды, а также перчатки и темные очки от солнца. В такой амуниции ухудшается обзор, поэтому этих женщин называют «дорожные ниндзя» за резкие повороты и выезды с второстепенных аллей. Так как по приезде во Вьетнам я сразу пересела на мотобайк, то по своему опыту знаю: на жаре водить очень тяжело, такое чувство, что плавятся мозги и концентрация внимания снижается в разы.

Первая наша зима встретила нас разноцветными колониями плесени. Такой красивой и разнообразной плесени я не видела никогда в своей жизни. За этот год плесень съела всю нашу кожаную обувь, сумки, ремни, ремешки от часов и все то, что имело хоть небольшой намек на натуральность. Плесень также стала пробираться через стены в комнаты, съедая части стен. Эта проблема с плесенью есть везде – в Ханое сложно найти жилье, в котором хотя бы какая-то часть стены не съедена грибком. При этом проблема плесени практически не устраняется. Однажды в нашем доме на многочисленные просьбы разобраться с плесенью на стене хозяйка прислала рабочих, которые за 40 минут просто снесли часть стены и отстроили ее заново, как будто так и было.

Кроме плесени, зимой мы познакомились с таким явлением вьетнамского климата, как пронизывающий до костей холод. Если бы мне сказали, что я буду мерзнуть при 15° С тепла, я бы просто рассмеялась такому шутнику в лицо. Ведь

белорусскими зимами при -15°C я могла легко отправиться на прогулку и получить от нее удовольствие. Но это факт: зимой в Ханое просто невыносимо холодно из-за влажности. Влажность около 90% и по ощущениям – влажное все: одежда, полотенца, постельное белье. Чтобы достичь приемлемого уровня комфорта, нужно постоянно держать работающими осушители воздуха, которые из комнаты среднего размера вытягивают больше литра воды в час. И если дома еще можно включить осушители или обогреватель, то на улице в это время года нужно одеваться примерно как зимой в средней полосе, а именно: куртка-пуховик, зимняя обувь, перчатки. А чтобы прокатиться на мотоцикле, придется надеть еще и шапку и шарф, если вы хотите доехать до места назначения нормальным человеком, а не дрожащей ледышкой.

Такие климатические качели – только в Ханое, на юге Вьетнама стабильная жара весь год при температуре 32°C . Лето на юге считается влажным сезоном с тропическими ливнями, которые затапливают улицы по пояс. Лучше всего, на мой взгляд, жить в центре Вьетнама, но там время от времени проходят разрушительные тайфуны. Так что идеального климата в этой стране нет.

Вовремя или во времени

– Мадаааам! (Машет мне через дорогу курьер, который работает на нашей почте.)

– Привет, братиш! (Машу в ответ.)

Улыбаясь, парень уезжает в другую сторону.

У вьетнамцев совершенно «другое» чувство времени. Если мы, приехавшие из культуры, где опоздания жестко порицаются, а опоздавшего называют не самыми лестными именами, стараемся приехать вовремя, то вьетнамец никуда не торопится. Время – деньги? Только не во Вьетнаме!

Находясь в особом состоянии «потока», вьетнамец попадает или не попадает на встречи, делает или не делает свои дела. Все это для него не более и не менее, чем проходящее, на которое он взирает с буддистским спокойствием.

– Здравствуйте, это доставка. Я буду у вас через 40 минут.

(Через час.)

– Здравствуйте, я дома и жду вас, где вы?

– Я дома, отдыхаю, привезу вам ваш заказ завтра.

Уже через несколько лет жизни во Вьетнаме я хорошо выучила, что:

1. Опоздание на 40 минут – это не опоздание вовсе.
2. Если идет дождь, то никто никуда не приедет.
3. Доставка любого продукта состоится, если так сложатся звезды, больше ничто на это не влияет.

Кроме этих нюансов, надо понимать, что люди здесь находятся в моменте и гармонии со своими собственными планами, рутиной. У этих людей нет повышенного чувства ответственности перед другими, они не будут переживать, что подвели вас или заставили ждать. Они однозначно порадуются, если все сложится хорошо, но если нет, то и ладно. Да, и иностранец, живущий во Вьетнаме, обязан принять эти правила игры и понять, что нарушение этих правил – дурной тон. Например, обед с 12 до 14 – святое время, которое любой вьетнамец посвящает еде и сну. Назначить встречу на время обеда, если вы, конечно, не назначаете эту встречу в ресторане с целью накормить партнера, – дурной тон! Вас не поймут и, вежливо отказав, отправятся обедать (возможно, в течение двух часов, наверняка с алкоголем), чтобы потом часок вздремнуть.

Лето, жара, градусов 40° С, мы с переводчицей сидим в тени дерева и ждем партнеров на встречу, никто не едет. Я злюсь, потому что в моем графике нет свободного времени, я по старой привычке постаралась вместить множество встреч в один день. И вот первая же встреча не состоялась по неизвестной мне причине.

Я терпеливо жду 20 минут, потом 30, потом посылаю смс: «Жду вас, вы приедете?» и получаю ответ: «Я думала, встречи не будет, выезжаю, буду через 20 минут». Я рву и мечу, нет слов, как я злюсь. Моя переводчица спокойна, как удав, говорит, подождем.

Через 20 минут от компании партнеров наконец приезжает одна женщина, улыбается и выковыривает из зубов траву. Становится понятно, что у нее был обед и, в принципе, она никуда не торопилась. Мне приходится как-то справиться с собой и провести переговоры. В такой ситуации я окажусь еще не раз. Люди, которые приезжают на встречи позже, люди, которые не приезжают на встречи, люди, которые врут, что у них сломался байк, сотрудники, которые хоронят родственников, чтобы оправдать прогул или опоздание. Все это становится логичным, если понимать, что такое *in-time* культура. Во вьетнамской культуре не принято приходить вовремя. В этом плане между местными полное взаимопонимание, у нас же с этим проблемы. Вьетнамцы не ценят время, они могут часами прохлаждаться на строящемся объекте, обедая и отдыхая после обеда, могут не приехать, потому что идет дождь, или приехать поздно вечером, когда ты уже ложишься спать, хотя ты их прождала целый день и уже надела пижаму. И наоборот: доставка онлайн-магазина может три дня подряд названивать в 6 утра только потому, что доставщик рано встает.

Вьетнамцы любят процесс больше результата, и это ста-

нет понятно тогда, когда первые же нанятые рабочие придут «посмотреть» три раза, но никто, включая помощницу, которая нашла этих рабочих, не сможет ответить на вопрос «сколько стоит и сколько будет длиться ремонт». Процесс – это то, от чего вьетнамец получает огромное удовольствие, при этом совершенно не задумываясь о том, что будет дальше.

И хотя вьетнамцы не ценят ни свое время, ни чужое, искренне находясь в моменте и получая удовольствие от процесса, они парадоксально измеряют расстояние в минутах. «Твой дом в 40 минутах от моего офиса» или «это всего 15 минут езды». Мне кажется это странным. Люди, которые неохотно слезают с мопеда у магазина, чтобы потратить всего две минуты на покупку, могут часами сидеть около дороги и никуда не спешить.

Неписанные правила вьетнамских дорог

Выбор транспорта в Ханое, в принципе, такой же, как и в любой другой стране, – это личный транспорт, такси или автобус. Метро здесь нет, и построено оно будет еще несколько лет.

На автобусах я ездила дважды, первый раз это было в июле (самый жаркий месяц в Ханое). Сели мы с детьми в автобус, дальше помню как в тумане: в автобусе стояла 40-градусная жара, автобус ехал со скоростью 12 км/час около 50 минут. Дети тогда были еще маленькие, сначала ныли, но быстро обессилели и заснули.

Через неделю я арендовала мопед. Мопеды во Вьетнаме – основное средство передвижения. Я уже шестой год вожу *Yamaha Nouvo* – один из самых популярных автоматических мопедов в Ханое. Сейчас подо мной третий по счету байк, два других уже убиты в поездках. Езжу я много, бывает, и по 100 км в день по городу. За 5 лет суммарно я проехала более 50 000 км по Ханюю. На мопеде я перевозила все: детей, стулья, стол, коробки, ящики с пивом, банки, корзины. Говорят, нет такого, чего не может перевезти вьетнамец на мопеде. Подтверждаю: возможности мопеда ограничены только фантазией перевозчика.

Движение на дорогах просто ужасное, и ему нет никаких

оправданий. Многие говорят, что это особенность и надо просто привыкнуть. Во Вьетнаме я научилась быть на пике внимания и сканировать дорогу на 360 градусов. Я научилась игнорировать дорожные знаки (на улице с односторонним движением все равно все едут по встречке), я научилась ускоряться на красный свет (после того как меня чуть не впечатал в асфальт грузовик, который ехал за мной и не собирался останавливаться на красный). Я научилась понимать, кого пропускать, а кого – нет. После 7 вечера на улице за рулем мопедов и машин полно пьяных – лучше свернуть с дороги, чем оказаться под колесами. Во вьетнамских газетах я видела статистику: на дорогах Вьетнама погибает 1 человек в час. В один такой час несколько лет назад погибла моя подруга. В тот день шел дождь и была плохая видимость. Она возвращалась домой с корпоративной вечеринки для сотрудников своего ресторана – ее переехал грузовик, за рулем которого был сонный и невнимательный водитель, ведь чтобы как-то заработать, эти люди работают сутками на кофе и энергетиках.

Здесь пьют и водят, и никто не задается вопросом, что в этом ненормального. Садятся на мопед и едут и тогда, когда не могут уже идти, – такое тоже бывает. Недавно ехала домой и увидела, как пьяный в дрова вьетнамец сбил другого, но был очень недоволен ситуацией – снял туфли и бросал их в полицейского, орал матом на всю улицу и порывался уехать на мопеде, но так плохо держался на ногах, что все

промахивался, когда пытался сесть на него.

Говорят, что еще совсем недавно люди ездили без шлемов. Переход с велосипедов на мотоциклы во Вьетнаме был стремительным, и люди не осознавали опасности этого вида транспорта, поэтому гоняли без защиты, разбиваясь насмерть и калечась на дорогах. Первая неудачная попытка ввести шлемы была летом 2007 года, тогда люди просто проигнорировали указ правительства, потому что посчитали, что в шлемах слишком жарко (ведь мы знаем, что летом бывает такая жара, что на асфальте можно жарить яйца).

Немного подумав, правительство дождалось зимы для второго захода по введению шлемов, добавив и штрафы за отсутствие шлема. И попытка была успешной, люди стали активно покупать шлемы и надевать их во всех случаях жизни. А так как законы во Вьетнаме пишутся тем же языком, что и все остальное, то есть с минимальной ясностью, то было понятно, что такое шлем, но еще непонятно, когда и как его надевать. Поэтому их надевали все, даже водители грузовиков – на всякий случай и чтобы не оштрафовали.

Сейчас редко можно встретить всадника без шлема. Штраф за поездку без шлема 200 000 донгов – это около 10 \$, и уж поверьте: если вас остановили, вы этот штраф заплатите. Без шлемов ездят «trẻ trâu» (что переводится как молодые бычки) – парни 16—25 лет, у которых бушуют гормоны и которые гоняют с огромной скоростью, виляя байком, а иногда ставя его на одно колесо. Таких парней даже

полиции сложно остановить, они не притормаживают на светофорах, а на просьбу полицейского остановиться проскальзывают сквозь пальцы инспекторов, только вы их и видели.

Негласных правил дорожного движения во Вьетнаме много. Вот основные:

– Поворотники? Забудь! Хочешь повернуть – крути «фонарики». «Фонарики» – это хаотическое движение кистью руки, которое демонстрируется чаще всего пассажиром, но иногда и водителем мотобайка для того, чтобы обозначить направление, в котором движется байк. Объяснить «фонарики» я могу только тем, что еще 20 лет назад все передвигались на велосипедах, поэтому показывать поворот надо было рукой. Сейчас все пересели на мотобайки, а привычка осталась.

– По встречной ехать нельзя, но если очень надо, то можно. Вьетнамцы не любят объезжать и всегда пытаются найти короткий путь к месту назначения. Это странно, так как вся культура ориентирована на проживание процесса, а не на стремлении к цели. Но все же на каждой улице то тут, то там можно заметить байки, которые движутся против движения. То есть, находясь на улице, можно ожидать, что подрежут с разных сторон, это учит задействовать зрение и внимание на 360 градусов.

– Парковать мотобайк нужно только в специальных местах или на платных стоянках, пятачках около магазинов и кафе. Здесь тоже надо быть осторожными и соблюдать

культуру поведения – парковаться перед кафе нужно, только если вы приехали в это кафе. Если же вы приехали в соседнее кафе, а ставите байк в другом месте, это как минимум дурной тон и можно ожидать выкриков и мрачных взглядов в спину.

– Нужно двигаться не по правилам, а вместе с потоком. Проезд на красный свет однажды спас мне жизнь, когда я, уже почти остановившись на перекрестке, увидела, как в спину мне летит грузовик, который не собирается тормозить. Не ударь я тогда по газам, я бы вряд ли сейчас писала эту книгу.

– Уступи дорогу тому, кто крупнее тебя. Король вьетнамских дорог – се буй (вьет. xe buýt) автобус. Ему уступают дорогу все, далее по иерархии: мотобайки уступают автомобилям, велосипедисты – мотобайкам, пешеходы уступают всем, бегая через дорогу как пуганые зайчики, забыв, что «автомобили придумали пешеходы». На двух ногах я всегда чувствую себя более уязвимой, чем на двух колесах.

Негласные правила поведения на дороге могут спасти жизнь или кошелек. Иностранцы, арендующие транспорт во Вьетнаме, должны быть вдвойне внимательны. Ведь то, что позволено местным, не позволено иностранцам. Иностранец, проехавший на красный свет по встречной полосе, будет осужден, а любая ошибка на дороге может привести к травме, из которой иностранца очень медленно и дорого будут доставать врачи международных госпиталей. А тури-

стам я бы тем более не советовала на волне эйфории садиться за руль мотобайка, одна ошибка – и отпуск закончен.

Здоровье – самое дорогое, в прямом смысле

Вся медицина во Вьетнаме платная. И хотя в некоторых случаях правительство субсидирует неимущие слои населения и оплачивает какую-то часть медицинских счетов, но в целом более 70% людей имеют страховку и лечатся по ней. Каждый раз, когда я проезжаю крупные госпитали, на глаза наворачиваются слезы. Я вспоминаю, как пару лет назад с травмой плеча я случайно попала в клинику, куда обращаются обычные вьетнамцы. Такое чувство, что я побывала на войне. Людей – толпы, все лежат в коридорах, стоят, жара невыносимая... У врачей нет отдельных кабинетов, они принимают по 5 человек параллельно, никакой приватности, скорость приема быстрее скорости света, потому что это просто конвейер из людей, которым надо срочно помочь...

Мне кажется, что врачи во Вьетнаме – герои. Ну, может быть, кроме тех, кто работает в частных клиниках. Тот врач, который ел обед полтора часа, пока я сидела в коридоре около его кабинета с температурой, точно не герой, а, скорее, наоборот.

У меня есть страховка, и я лечусь в частной клинике, но каждый визит ненавижу. Во-первых, потому что дорого. Однажды вечером, почти ночью, было часов 8 или 9 вечера,

я возвращалась домой со встречи и по дороге словила глазом кусок стекла, который вылетел из-под колес едущей впереди меня машины. Кусок стекла был довольно большим – большим настолько, что я могла рассмотреть его своим вторым глазом. Разумеется, я сразу поехала в клинику, чтобы попасть к офтальмологу. Надежды было мало, настроение на нуле, потому что я знала, что в конце дня не будет нужного врача, а цена за вызов другого врача возрастет. Так и было, но с небольшой поправкой, что в мой глаз посмотрели все, включая уборщицу с улицы, чтобы сказать: «Ооо, стекло!». Ну а дальше мне сказали, что вариант, по сути, у меня только один – вызвать врача немедленно, и стоять это будет 400 \$. Несмотря на страховку, я так офигела, что кусок стекла немедленно выпал у меня из глаза сам.

И еще одна особенность вьетнамской медицины – ее качество. Да, суперсовременные клиники вроде «Винмек» оборудованы по высшему слову техники, но к оборудованию прилагаются люди определенного типа, то есть те же доктора с теми же методами лечения, что и в простых клиниках общественного типа. Так, однажды доктор довольно сильно дал мне по голове молоточком после моих слов, что у меня болит голова. Я не задала ему вопрос «почему», в связи с моим погружением в культуру: мое «почему» привело бы нас неизвестно куда, а вот голова по-прежнему болела.

Еще у меня сложилось впечатление, что люди, которые до сих пор лечат все болезни, ставя банки и делая при-

жигания, не могут лечить серьезные заболевания. Например, несмотря на то, что в Ханое есть отдельный госпиталь по эндокринологии, врачи демонстрируют профессиональную беспомощность. Я так и не смогла получить нужное лечение по этому вопросу. Кроме того, таблетки, которые я купила в аптеке у дома, мне не помогли. И тут не до конца понятна причина: то ли таблетки были просрочены, то ли были подделкой...

Вообще, в аптеках Вьетнама можно купить все что угодно и без рецепта. Одна моя знакомая зашла и купила в аптеке аналог препарата «Прозак», который считается жестким антидепрессантом и во всем мире продается строго по рецепту.

Еще в аптеках, кроме базовых лекарств, можно купить разные биодобавки, капсулы, порошки и растирки из традиционной медицины. Вьетнамцы сильно верят в то, что, растершись ядом кобры, они вылечат все, включая хронические заболевания. Это, с одной стороны, очень круто, а с другой – приводит к тому, что до сих пор существуют ужасные и жестокие практики: поедание еще бьющегося сердца змеи, или сбор желчи у медведей, или истребление панголинов (это такие чешуйчатые млекопитающие), или же использование старейших животных на земле, мечехвостов, для сбора их голубой крови.

Чем болеют вьетнамцы и чем болеем мы, иностранцы, во Вьетнаме? По сути, нам нужны только два типа таблеток: от живота и от горла.

Самые распространенные болезни – респираторные. Это происходит потому, что при повышенной влажности, особенно зимой, все «цветет» и десяток разных видов плесени на вашей обуви показывает наглядно, что происходит с бактериями: они активно размножаются. Летом люди болеют меньше, потому что солнце убивает часть бактерий, однако есть еще один фактор, который не зависит от сезона и очень влияет на заболевания – это загрязнение воздуха и плохая экология.

С 2013 года, когда я только вступила на вьетнамскую землю, экология продолжает ухудшаться. Вокруг этой проблемы ведутся бесконечные дискуссии и дебаты, начиная с того, что вьетнамцы не хотят слышать о проблеме, и заканчивая тем, что ООН рапортует о ней в своих международных отчетах. В конце 2019 года индекс загрязнения воздуха (AQI) достигал 400 единиц, а это значит, что ты видишь и чувствуешь запах того, чем дышишь.

Второе по популярности заболевание во Вьетнаме (особенно для иностранцев) – расстройство желудка и диарея. Это происходит из-за отсутствия гигиены (например, повара в кафе не моют руки, тарелки просто ополаскиваются проточной водой, палочки используются бесконечное число раз) и из-за того, что в местной кухне много свежих продуктов и зелени, которые подаются без термической обработки.

Из-за грязи и вредных бактерий в первый год жизни во Вьетнаме я считала за счастье день, когда у меня был твер-

дый стул. Все более-менее налаживалось, когда я готовила дома, но обед в абсолютно любом кафе или ресторане и – па-
бам – опять сидишь на горшке.

Сейчас Вьетнам стремительно развивается, улучшается и подход к гигиене в кафе и ресторанах, особенно в сетевых заведениях и в больших ресторанах. С местными уличными кафешками все по-прежнему, но, с другой стороны, от уличной еды во Вьетнаме никто не умирает, человек вообще может привыкнуть ко всему и все нормально переварить.

Образование во Вьетнаме

Что касается образования... Я не знаю, что и как учат вьетнамцы в школе. Мои друзья говорили, что хорошую школу найти сложно. Говорили, что детей нагружают тоннами информации, обучение с утра до вечера шесть дней в неделю. В классах – до 50 человек. Дети учатся весь день, а после школы делают домашку, и я много раз слышала от знакомых вьетнамцев, что современное школьное образование во Вьетнаме лишает детей детства. В последнее время были случаи разоблачения насилия в школах, когда учителя били учеников, унижали их и жестоко обращались.

Работа учителя считается социально «престижной», поэтому получить ее сложно. Говорят, что честного конкурса нет, но есть взятки... Например, одна знакомая сказала, что копит деньги, чтобы «купить» место учителя в школе. Такое место быстро окупит инвестиции, так как учителя постоянно собирают деньги с родителей, получая конверты по всевозможным поводам и на разные праздники.

Если вы были на улице любого вьетнамского города в обеденное время (с 12 до 14), то наверняка видели школьников, которые мчат без шлемов куда-то на своих велосипедах или электробайках. Моя хорошая подруга вьетнамка рассказывала, что детей в школах не кормят, поэтому в обеденное время поток голодных школьников направляется домой, чтобы пе-

рекусить и немного вздремнуть. Дочка моей подруги не вписывается в систему, ей сложно учиться, и она не такая, как все. Моя подруга попросила встретиться, чтобы поговорить о том, что ее волнует. Ее дочка по имени Тао сейчас подросток, с 13 лет ей стало сложно учиться в школе, так как нагрузка огромная. Девочка стала плохо успевать по некоторым предметам, а учителя вместо поддержки нажимали еще больше: «Учись, ты плохо стараешься!». Однажды Тао отправилась в школу, но так и не дошла. Она осталась на остановке автобуса и просидела там 7 часов до того момента, когда нужно было возвращаться домой. Подруга со слезами на глазах сказала, что у Тао депрессия, и она очень переживает за нее. Таких, как Тао, очень много. Вьетнамская система образования не учитывает различий, выживают только сильнейшие, а те, кто послабее, или те, кому нужен особый подход, не вписываются в систему.

С другой стороны, Вьетнам развивается с космической скоростью и при желании можно найти различные варианты образования, например, частные школы любого уровня. Такой концентрации частных детских садов, как в Ханое, я не видела ни в одной стране – японские, корейские, французские детские садики, садики с обучением по международной системе на английском языке, по системе Монтессори, садики для детей с особенностями развития, садики для детей с аутизмом, вьетнамские садики с бассейном, спортивные садики и так далее. То же самое и со школами: развиваются

частные школы любого типа – от школ семейного формата до сетевых школьных заведений вроде «Винскул», в которых учатся по международным системам и в которых есть огромные кампусы с футбольными и теннисными полями. Из-за того, как развивается образование во Вьетнаме, я очень верю в прогресс этой страны, ведь дети – это будущее.

Мои дети ходят в международную школу. Это совершенно другая система образования. Обучение происходит по системе *IB* (международный бакалавриат), наша школа *UNIS Hanoi* лидирует в Азии в рейтинге международных школ. Мы единственные белорусы в школе уже шестой год. В нашей школе 1200 детей из 60+ стран.

В школе есть проекты, направленные на развитие национальной идентичности, наши дети тоже участвуют, рассказывая о Беларуси. Мы хотим, чтобы они не теряли связь с родиной и гордились тем, что они из Беларуси. Вьетнамцам в нашу школу сложно попасть, потому что есть квоты: например, каждая национальность не должна превышать 20% от общего числа учеников. В школе есть лист ожидания для тех, кто хочет в нее попасть. Нам повезло, что мы белорусы – национальность такая редкая, что школа сама была заинтересована взять детей.

Первый год было очень сложно, детям не хватало знания языка, кроме того, они были очень зажаты. Помимо культурной, была и климатическая адаптация. Но, надо сказать, учителя и персонал школы сделали все, чтобы им помочь.

Мне очень интересно наблюдать за тем, как учатся мои дети, для меня разница с образованием, которое я получила в СССР, огромная. Когда я росла, считалось, что в СССР – лучшее глобальное образование, математика давалась на действительно серьезном уровне, и это правда. Сейчас у детей в школе математика преподается совсем по-другому: класса до 5 это была просто геймификация и счет через игру, сейчас программа стала сложнее, но не настолько, чтобы задачу 8 класса не мог бы решить наш родной советский шестиклассник.

Для системы международной школы важен процесс размышлений конкретного ребенка, поэтому решение любой задачи – вторичный процесс, а первичный – логические цепи и умение объяснить, как решал.

В СССР и пост-СССР уроки начитываются учителем поверх голов, то есть в режиме монолога, где иногда включаются карательные моменты: «Петров, чего ты крутишься, выйди из класса». В американской школе уроки проводятся в качестве диалога с учениками, при этом дисциплинарные взыскания тоже есть, если ученик игнорирует происходящее в классе или занимается посторонними делами. Однако дисциплинарные взыскания применяются только после того, как ученик сходит к психологу, потому что сниженное внимание может быть результатом травмы или насилия.

Оценок в том понимании, к которому мы привыкли, в нашей школе нет. Это очень больно принять людям, травми-

рованными советской школой. Хочется язвительно сказать: «И как я пойму, что вы недоучиваете моего ребенка?». Очень просто. Система оценки есть, но она скрыта от ученика. Почему так? Потому что мы все разные, и считается, что именно поэтому уравнивать и унижать детей, если они где-то не дотягивают, неправильно. Система оценки два раза в год сравнивает ученика: а) с собой год назад и б) с некой нормой по миру. Последние два года в старшей школе можно дополнительно взять *IB*-программу (международный бакалавриат), которая увеличит шансы поступления в самые лучшие университеты мира. В системе *IB* сравниваются как академические знания, так и способность работать в команде, лидерские качества и умение презентовать свои проекты публично, поэтому много выступлений перед классом, со сцены, выставок, а также существует клуб дебатов.

В нашей школе проповедуются принципы ООН, например, дискриминация по какому-либо принципу запрещена и жестко пресекается, вплоть до исключения. Недавно был скандал, когда мальчик как-то словесно задел девочку. С мальчиком потом долго разбирались, выясняли, что у него происходит дома и как он дошел до жизни такой. В школе его все же оставили, но заставили подписать кучу бумаг, где он обещает исправиться и больше не заниматься буллингом (англ. *bullying* – преследование). Те же требования и к учителям: не может быть «любимчиков» или, наоборот, нелюбимых учеников. Учителей набирают через международные ре-

крутинговые агентства, берут самых лучших, соблюдая квоты по расам и сексуальной ориентации, – по этим признакам, как и по всем другим, никто никого не дискриминирует.

Еще один момент, который сразу же поразил меня в нашей школе, – это свобода передвижения по кампусу и множество вариантов для активности. В моем детстве все было наоборот: нам не давали лишний раз шевельнуться, и в графе «поведение» у меня стояла твердая «двойка». Потому что дисциплина в СССР – это «по коридору не бегать», «сидеть смирно» и прочее. В нашей школе у детей есть огромная детская площадка, футбольные, баскетбольные, волейбольные поля. И есть одно жесткое правило: на перемене сидеть в классе нельзя, надо идти и бегать на площадку. Дети часто остаются после школы, чтобы просто позависать на площадке, побегать или поиграть с друзьями в футбол.

Вообще, спорту уделяется много внимания, а физкультура – это не только предмет, где все бегают и метают «гранаты», но и много теории насчет здорового образа жизни, питания, здоровых привычек, рефлексия на темы здоровья и спорта. Например, просят написать эссе о том, как ты проплыл 200 метров. При этом надо описать, что чувствовал, как хочешь улучшить результат, что мешало и что помогло в процессе. Можно остаться после школы поиграть в футбол, баскетбол или теннис. Неудивительно, что мои дети приходят из школы, как с работы – в шесть вечера, «уставшие, но довольные».

Да, конечно, международные школы не иллюстрируют все образование страны, но, с другой стороны, это то самое пространство вариантов, которое дает возможности. Может быть, поэтому Вьетнам развивается так стремительно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.